

гим обязана.* Он, стало быть, одержал верх над своим противником, в Кардинал с тех пор называл его всегда *этот маленький наглец* и говорил, что у него *рожа висельника*. Подобная аттестация послужила причиною тому, что родители почли за благо отправить его в путешествие по Италии. Двое моих братьев и я собирались туда поехать и спросили у него согласия составить ему компанию. Я беседовал с ним почти ежедневно в течение десяти месяцев; и, поскольку он обладает незаурядной памятью, ибо помнит все, о чем когда-либо узнал, в беседах со мною он рассказывал о многом.

Я отметил, что первым его сочинением, если не считать нескольких проповедей, был «Заговор Фреско»;⁶ эта пьеса весьма подходила к его характеру. Это не бог весть что, в все, что он пишет, весьма посредственно. Тем не менее у него есть ум, только он недостаточно думает о фактах и не утруждает себя изучением их. Он многое позаимствовал у Маскарда.

Он не мог простить дону Тадею, племяннику папы Урбана, в ту пору правившего, что тот не завладел Урбинскими землями, которые тогда снова отошли к церкви за отсутствием наследников мужского пола. Какая бы крепость ни встречалась на нашем пути, он всегда овладевал ею то ли штурмом, то ли иным способом. Он без устали говорил о своем высоком рождени. Во Флоренции его весьма обласкал Великий герцог; он жил там у шеваля Гонди, который занимал должность Государственного секретаря, а до того был тосканским поверенным во Франции. У него в зале висели портреты французских Гонди, ибо в Италии этот род не столь знатен, как у нас; но они все же дворяне: во Флоренции я видел немало тому доказательств, но надобно еще узнать, не восходит ли их дворянство ко времени возвышения Альбера, да в от него ли они ведут свой род? Квие говорит, что, когда он однажды спросил этого Шевалье, действительно ли французские Гонди — настоящие Гонди, тот расхохотался.

Кардинал де Рец говорил, что во Франции лишь он один может представить тридцать поколений дворянства. Виллави и Макьявелли вообще не упоминают о Гонди; г-н де Ту считает их сыновьями баякера.

Аббат указал, что у господ дю Пюи находится рукопись г-на де Брантома из рода де Бурдей, содержащая несколько томов, в одном из коих повествуется о любовных утехах герцогини де Рец, жены Альбера, и говорится много любопытного касательно чести этой дамы. Аббат никак не мог успокоиться, пока г-да дю Пюи не разрешили ему вычеркнуть все, что касалось его бабки, и эти места вымараны так, что нельзя разобрать ни единого слова.

Альбер, который положил начало процветанию здешней ветви рода Гонди, был сыном флорентийского банкира по имени Гонди, сенера дю

* Он был их покровителем.